

Глава 34. Прощай, столица

Беспокоясь о слабом здоровье Ань Цзыяня, принц-регент Ань Шаоцинъ выделил для его путешествия с Чоу Хуайшэном лучшую карету из своего поместья. Внутри нашлось всё необходимое: запасы провизии и чистой воды на несколько дней пути, мягкие тёплые одеяла и даже небольшая жаровня, чтобы юноша не мёрз в дороге. Напоследок Он строго-настрого наказал Хуайшэну беречь его сына пуще зеницы ока. Глядя, как Цзыянь поднимается в экипаж, тот вдруг поймал себя на странном чувстве — будто выдавал дочь замуж. Для полной картины не хватало разве что свадебной процессии.

Цзыянь приоткрыл плотную занавеску и выглянул наружу. Календарная весна уже вступила в свои права, но уходить зима не спешила. Воздух всё ещё дышал колючим холодом, а земля оставалась укрыта пушистым белым саваном. Однообразный заснеженный пейзаж быстро наскучил юноше. Они были в пути уже несколько дней, и Цзыянь всем сердцем жаждал, чтобы поскорее пришло настоящее тепло — тогда унылые сугробы наконец сменились бы пёстрым ковром распускающихся цветов.

Снаружи, на козлах, сидел Чоу Хуайшэн. Он бережно правил лошадьми, выбирая самые ровные участки дороги, лишь бы его спутника внутри не укачало. За несколько дней они успели оставить столицу далеко позади. Помня о заветном желании Цзыяня увидеть море, он без колебаний направил экипаж к побережью. Дорога их пролегла через глухие леса и пустынные предгорья, где приличные постоялые дворы были редкостью. Те же сомнительные заведения, что изредка попадались на пути, тот обходил стороной: в такой глуши под вывеской трактира слишком часто скрывались разбойничьи притоны, особенно если дела у хозяев шли вяло. Сам он неплохо владел мечом, но одно дело — защитить себя, и совсем другое — уберечь хрупкого юношу. Рисковать Цзыянем он не смел. Ночевать им приходилось либо у костра под открытым небом, либо в редких крестьянских избах, хозяева которых охотно пускали путников за скромную горсть серебра.

Одиночество в четырёх стенах экипажа со временем наскучило Цзыяню. Плотнo закутавшись в дорожный плащ, он выбрался наружу. Заметив его, Хуайшэн дружелюбно улыбнулся и потеснился на козлах, освобождая место.

— На улице такой холод, зачем ты выбрался? — мягко упрекнул его тот, не выпуская поводьев из рук.

— Внутри слишком душно. Хочу посидеть с тобой, — отозвался Цзыянь. — Не переживай, я тепло оделся, совсем не мёрзну.

Однако стоило ему договорить, как налетевший порыв ледяного ветра заставил его поёжиться. Щёки юноши мгновенно порозовели от холода.

— Живо возвращайся в карету, — покачал головой тот. — Здоровье у тебя слабое. Не хватало ещё простуду подхватить на таком сквозняке. Кругом ни души, случись что — мы даже лекаря с целебными травами не сыщем.

— Всё не так страшно, как ты расписываешь! Ну разреши мне побыть здесь, — упрямо попросил Цзыянь.

Ему действительно до смерти надоело сидеть взаперти. Прежде он послушно возвращался внутрь по первому зову, но в этот раз твёрдо решил стоять на своём.

— Ох, сладу с тобой нет, — вздохнул тот. — Если уж так не хочешь обратно, пересаживайся ко мне.

С этими словами он натянул поводья, останавливая лошадей, и немного сдвинулся назад. Цзыянь понял, что выиграл этот спор, и послушно устроился перед ним. Стоило юноше сесть, как он распахнул полы своего широкого плаща, надёжно укрывая его от ветра, и завязал шнурки, прижав Цзыяня к своей груди.

— Впереди ветер сильнее бьёт в лицо. Я погоню лошадей помедленнее. Если станет совсем неважно, сразу скажи, не вздумай терпеть. Договорились?

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин! — весело рассмеялся Цзыянь. Хорошее настроение вернуло ему былую игривость.

— Тогда в путь. Но-о, пошли!

Он обхватил его руками, держа в одной ладони поводья, а в другой — кнут. Он слегка встряхнул поводьями, негромко прикрикнул на коней, и экипаж покатился дальше.

Поначалу всё шло прекрасно, но со временем морозный воздух начал пробираться под тёплый плащ. Цзыянь сильно замёрз, однако безмолвно терпел, боясь, что Хуайшэн тут же отправит его обратно в карету.

Сумерки сгущались всё сильнее. На пути им так и не встретилось ни жилья, ни постоянного двора. Наконец дорога вывела их к просторной поляне, огибавшей извилистый лесной ручей. Он решил, что лучшего места для лагеря не найти, и остановил карету. Спрыгнув на землю, он распряг уставших лошадей и привязал их к стволу крепкого дерева.

— Ну всё, спускайся, — позвал тот, протягивая руку.

Цзыянь доверчиво ухватился за его ладонь и легко спрыгнул на пожухлую траву.

— Почему у тебя такие ледяные пальцы? Всё-таки замёрз? — Хуайшэн нахмурился. Юноша был холодным, словно обточенный речной камень.

— Вовсе нет. Ты же знаешь, у меня всегда зимой руки мёрзнут, — поспешил оправдаться

Цзыянь, отводя взгляд. Сознаться в своей слабости означало навсегда лишиться права сидеть на козлах.

Хуайшэн покачал головой, но расспрашивать не стал.

— Хорошо. Ночуем здесь. Собери немного сухой травы для лошадей, а я займусь лагерем.

Каждый принялся за своё дело. К тому времени как окончательно стемнело, он уже установил прочную походную палатку. Её заботливо уложил в дорогу принц-регент, опасаясь, что путникам придётся спать под открытым небом. Поначалу молодые люди ворчали, что тяжёлый тюк лишь занимает место, но теперь, после долгих дней пути, они не раз добрым словом помянули предусмотрительность Ань Шаоциня.

Палатку разбили в нескольких шагах от коней. Посреди лагеря он развёл жаркий костёр. Затем, вооружившись кинжалом, он срезал несколько гибких веток, заострил их концы и отправился к ручью. Обрато он вернулся с богатым уловом. Быстро выпотрошив и очистив рыбу от чешуи прямо у воды, он нанизал её на прутья и воткнул их в землю у самого пламени.

Тьма окончательно поглотила окрестности. Несмотря на то что поляна была открытой, совсем рядом, шагах в тридцати, начиналась глухая лесная чаща. Из глубины леса донёлся протяжный, тоскливый волчий вой. Цзыянь поёжился и невольно прижался ближе к тёплому плечу Хуайшэна.

— Не бойся, — прошептал тот, крепко прижимая его к себе. — Вокруг лагеря я расставил ловушки. Стоит хищникам сунуться сюда, они тут же угодят в капканы.

— Всё равно жутко, — тихо признался Цзыянь. Сколько бы ему ни доводилось ночевать под открытым небом, привыкнуть к диким ночным звукам он так и не смог. — Сколько нам ещё ехать?

— Если не спешить, то дней десять. Но если пришпорить коней — управимся за неделю. Что, не терпится поскорее добраться? — с улыбкой спросил тот.

— Конечно! Я как представляю море, так сразу сердце замирает от восторга! — Цзыянь радостно просиял, и он мгновенно позабыл о далёком волчьем вое.

— Раз так, с завтрашнего дня поедem быстрее, — рассудил тот. — Только учти: тебе придётся всю дорогу сидеть внутри кареты. На козлы я тебя больше не пушу.

Цзыянь призадумался.

«Неужели это и есть то самое "и рыбу съесть, и в воду не лезть"?»

Но желание поскорее увидеть бескрайние просторы победило, и он покорно кивнул.

Не успел он ответить, как ноздрей коснулся упоительный аромат запекающейся рыбы. Корочка аппетитно подрумянилась над углями. Он вытянул прутья из земли и протянул Цзыяню ту порцию, что была покрупнее.

— Дай мне лучше поменьше, — попросил Цзыянь. — Боюсь, эту я не осилю.

— Ничего страшного. Не доешь — я помогу, — весело отозвался тот.

С этими словами он, будто оголодавший зверь, принялся уплетать сочную рыбу, ловко отделяя кости. Цзыянь мягко улыбнулся и принялся за свою порцию, смакуя каждый кусочек. Он знал, как сильно устал его спутник за день пути, и твёрдо решил оставить ему лучшую часть ужина. К тому же рыба у костра действительно получилась на редкость вкусной.

Когда тот покончил со своим прутиком, Цзыянь едва управился с первой рыбиной. Он аккуратно надломил веточку и протянул оставшуюся часть Хуайшэну.

— Я наелся. Забери эти две.

Каждая рыбка была размером с хорошую ладонь, а порции на вертеле были щедрыми. Цзыянь с его скромным аппетитом быстро насыщался, так что двух штук ему хватило с лихвой. Он не стал отказываться и с благодарностью принял угощение. На этот раз он не спешил, а ел неторопливо, подражая изящным манерам юноши.

Утолив голод, они ополоснули руки у ручья. Он бережно укутал Цзыяня и отправил его отдыхать в палатку, а сам устроился у входа, неся ночной дозор. Вскоре лагерь погрузился в сон. Один спал глубоко и безмятежно, убаюканный теплом, а второй чутко дремал, охраняя его покой.

<http://bllate.org/book/18341/1866243>